

Салют Победы в Москве

Иван БУКОВ

Родился 7 января 1927 года в Рязанской области. Участник Великой Отечественной войны, артиллерист-зенитчик. В 1951 году окончил Горьковское зенитное артиллерийское училище, затем — Высшие Центральные курсы зенитных ракетных войск ПВО. Прошёл путь от командира отделения до командира отдельной зенитной ракетной части.

Печатался в журналах «Воин России», «Спортивная жизнь России», «Военные знания», «Знаменосец», в газетах «Красная звезда», «Советский спорт», «На боевом посту» и других. Автор поэтических сборников «Негасимый свет», «Коны времени», «О времени и о себе», «Мещерские зори», «На рубеже веков», «Связь времён», «Серебряный ветер», книги прозы «След на земле». Член Союза писателей России.

В нашем салюте была представлена ровно тысяча орудий. Наша задача — стрелять. Без ошибок и слаженно — секунду в секунду. Тридцать залпов! С пушкой надо не просто познакомиться, а подружиться основательно. Быть с ней единими целым. Привезти, укрепить в боевом положении, выровнять, подготовить к стрельбе. Уложить снаряды с холостыми зарядами, а при выстреле мгновенно отбросить гильзу — вдруг в темноте попадёт под ногу, кувыркнётся и полетит... тартарары — и успеть подать заряжающему, а уж он зарядит и быстро нацелит взгляд на сигнальную лампочку, которая светит на командном пункте, в центре квадрата орудий из 80 стволов.

Это всё происходило на площадке, где сегодня павильоны ВДНХ. Все эти движения расчёт пушки должен был выполнить за тридцать секунд. Каво? Подумайте! И так — тридцать залпов.

...На салют брали не всех, был серебряный отбор. Из молодых подошёл я и мой напарник Саша Ключков. Шустрый самовёртенный рязанский парень.

В первые майские ночи 1945-го наше «матёрим» артиллеристам долго не спалось. Обычно лягут, и вскоре уже слышат храп и лёгкое посвистывание. А тут нет...

«Отбой», — прокричал дневальный. И ненадолго всё затихло. Но потом потянулось: «Когда начнётся демобилизация? Что слышно? Куда тебе ехать? К кому?». Все были какие-то наэлектризованные.

А днём на батарее всё шло, как и обычно, хотя чувствовался какой-то весёлый настрой и особая хватка при выполнении или иной команды.

...И вот, среди лёгкого сумрака майской ночи обрывистый крик вскользь казарму: «Подём! Подём! Победа!». И вслед бесконечные вскрики:

«Победа! Победа! Победа!». Девчата вбежали на нашу мужскую территорию. Все заметались, бросились обниматься. Крики и смех без конца.

— Батарея, приготовиться к построению! — голос командира батареи невозможным было спутать ни с каким другим. Стало тихо. И вдруг сам Буданов, раскрасневшийся, широко улыбнувшись, во весь голос завопил: «Поздравляю с Победой!». Его подхватили и стали качать, а Буданов, не зная как себя вести, отмахивался и отбивался, особенно от девчач, насавших на него.

Мы выстроились на плану перед казармой. Утро ещё не вошло в свои права, но казалось, было светлое обычное, невысокие деревца на батарее принесли чёткие очертания и стояли, как обновлённые. Небо светилось ярко-жёлтым зариной, прохладный ветерок нагонял с севера-запада клочковатые тучи, которые метались, предвещавшие неясность. Накануне было солнечно и очень по-весеннему, радостно. А тут...

Но никто не обращал на это внимания, все были возбуждены, а некоторые «старички» даже были без шинелей.

— Отгнёвикам подготовиться к выезду на салют. Место построения колонны — перед въездом в деревню Фуниково. Далее направляемся по Ярославскому шоссе.

Строй как-то задвигался в нетерпении. Ждали новых приказов. И вот, знакомая до боли команда: «К орудиям, пушки перевести в походное положение, выкатить по аппарелям наверх. Машинам для транспортировки подъехать к брустверам окопов». Последние слова прозвучали внове, так как осенью были оборудованы новые окопы и пушки установили в боевом положении для стрельбы. С тех пор огневиков не беспокоили такими колоннами. Для выездов на салюты по случаю взятия Орла, Курска, Харькова

и других городов нашу батарею не привлекали.

Наконец, мы в пути. По-настоящему ещё не рассвело. Наш орудийный расчёт разместился в кузове ЗИС-5. К нам присоединился младший сержант Виктор Сысоев и его помощник ефрейтор Иван Чубисов. Они — бывалые батарейцы...

Въехали в пригород столицы. На улицы высыпали люди, многие — с цветами. Чем ближе к центру — тем толпа становилась плотнее, а возгласы и крики поздравлений с Победой — громче. Наконец, наш ЗИС остановился, не имея возможности проехать дальше. Люди выбежали на щоссе, хватали нас за руки, а мы, радостные и ошеломлённые, растерялись в этом круговороте. Не помни, как прибыли на место, как отцепили орудие, лишь помню как отработанными движениями переводили его в боевое положение, убрали по местам вспомогательный инвентарь. Всё делалось просто автоматически, а в голове была лишь одна мысль: главное — не растеряться, не пропустить команду и не прослыть неумехой.

Погода разыгралась не на шутку. Ветер, переходивший на шквалиные вспески, поднимал брезентовый чехол, пытался стянуть его с пушки. А нам хотелось немного погреться, залезть под него, перерядить и снова быть на виду. Наступило время обеда. Пора бы поесть, но у нас ничего не было. Откуда? А тут ешё парнишки одолевали, насыдали плотной массой на пушку: «Дядя, скажите, когда салют?».

Наконец, привезли обед: гороховый суп и что-то похожее на перловую каши из «гаоляна» — китайского проса. Время ожидания затянулось до предела. Нам уже изрядно надоело противостоять с молодёжью и малышней, а ближе к вечеру подтянулись и люди постарше: инвалиды войны и

пожилые женщины. У всех один вопрос: «Когда салют?». А мы ведь, и вправду, не знали сами. Кто нам сказал бы? Сам Верховный? Всё секретно.

Стемнело...

И наконец, когда всем уж стало невероятно, из репродуктора зазвучали слова Левитана: в двадцать два ноль-ноль, салют из тысячи орудий, тридцать залпов. Всё замерло. В воздухе повисла напряжённость. Казалось, каждая секунда длилась целую вечность.

— Расчёты по местам! Внимание!

А мы только и ждали этой команды. Воздух словно уплотнился и своей тяжестью придавил нас к родной пушке.

— Заряжай!!!

Я уже несколько минут стоял со своим непривычным, укороченным холостым снарядом. Мгновенно передал заряжающему Алексею Бабкину. Наша взоры уставились на центр огромной площади. Там, на высоком шесте была установлена лампочка — вспыхнула, словно звезда с неба.

— Огонь!!!

Рявнули наши зенитки, словно соскучившись без работы. Столик времени не стреляли — с августа сорок третьего. И тут таковой гром! У меня даже сегодня нет слов, какими можно было раз击 tot grotto с раскатистым гулом и сотрясанием земли под ногами.

Пушка оставалась неподвижной, ствол с казенной частью не откатывалась — заряд холостой, только порох и залитый парфином картон. В воздухе закружились тлеющие ошмётки картона, звякнула опустившая гильза, ударившись о настуженную станину основания орудия, затем покатилась по асфальту. Как ошпаренный, я металлической кочергой подхватил её за срез и мгновенно отправил на свободное место. Схватил новый заряд... Всё происходило, как во сне. Соображать было некогда, руки делали всё автоматически.

Пушки оставить возле ровиков и всем отдохнуть до десяти утра, подъём самостоятельный. Всем старослужащим отгивикам с утра направиться в деревни Фуниково и Коровино, запастись спиртным. Разрешено. Сбор в столовой в пятнадцать ноль-ноль...

валого напряжения и непрерывного испытания мы заметно согрелись и, увлечённые ответственным делом, даже не заметили, как запустили последний залп в воздушные просторы. Небо польхало разноцветно, во всю светили прожектора, на полотнищах раскачивались портреты вождей. Небо пело и излучало поток невидимой энергии.

Мы старательно исполняли команду за командой.

— Орудия в походное положение, подготовить к транспортировке!

Нам предстоял обратный марш на батарею. К полуночи заметно похолодало. Мне повело устроиться на дне машины-тягача. Загудели моторы, затихла волна соседей. Сквозь сон доносились шум колёс. Я и не заметил, как мы вернулись на батарею.

— Пушки оставить возле ровиков и всем отдохнуть до десяти утра, подъём самостоятельный. Всем старослужащим отгивикам с утра направиться в деревни Фуниково и Коровино, запастись спиртным. Разрешено. Сбор в столовой в пятнадцать ноль-ноль...

Шумел сурово брянский лес

Михаил БУРЫКИН

Родился 10 января 1929 года в селе Хинель Севского района Брянской области, впоследствии удостоенного высокого звания «Село партизанской славы». Автор книг «Хинельские дали», «Память сердца», «Родине поклонись», «Твои, Россия, сыновья». Почётный ветеран города Москвы, Почётный гражданин города Севска. Председатель Региональной общественной организации писателей — участников Великой Отечественной войны.

Село Хинель, которое находится в южной части Брянщины, является пограничным с Украиной и Курской областью. Моя предки участвовали в Бородинском сражении, Битве народов под Лейпцигом, в Крымской войне 1853–1856 годов, и обороне Севастополя, битве на Шипке, и других крупнейших сражениях. Особенно же тяжёлыми для рода Бурыкиных были Первая мировая война и Великая Отечественная.

В 1941 году мой отец и брат, которому едва перевалило за семнадцать лет, были призваны на фронт, и я, двенадцатилетний мальчишка, стал старшим мужчиной в доме. Война сразу же начала брать вахс в свой жестокий «оборот». В течение двух месяцев юг Брянщины, наш Севский районоказался в эпицентре тяжёлых оборонительных боёв, которые вели против наступающих фашистов 13-я армия. Уже с июля 1941-го в хинельских лесах формировались базы партизанских отрядов. Подобрались наёжённые, проверенные люди для организации подпольно-диверсионной работы во вражеском тылу.

Ценой огромных потерь основным подразделениям 13-й армии удалось выбраться из нескольких «котлов» и перейти линию фронта, слившись с основными частями Красной Армии. Те же, кому не удалось прорваться сквозь вражеские заслоны, ушли в леса, стали боевой основой формирования мощного партизанского сопротивления. Вскоре все брянские леса стали непрступной цитаделью для врага.

На моей малой родине, вокруг сёл Хинель и Хворощёвка, тоже формировались отряды народных мстителей. И именно в наших хинельских лесах, кроме коренных брянцев, дислоцировались партизаны других областей. Здесь был создан центральный штаб, который координировал действия многочисленных отрядов и соединений. Возглавлявшим его М.И. Наумов впоследствии был дважды удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

С осени 1941 года я вместе с моими сверстниками Володей Морко, Валеем Горховым, Володей Хохловым и другими учениками Хинельской школы стал юным партизаном.

Первое наше боевое крещение состоялось в конце октября, когда мы помогали выводу из окружения бойцов Красной армии. В ноябрь десяти юных партизан-разведчиков были направлены в хутор Михайловский — для уточнения дислокации немецких войск на железнодорожной станции, а также для сбора информации о содержании бойцов Красной армии в лагере военнопленных. Это была очень сложная и рискованная операция. Мы выяснили, что пленные содержались в прикрытых жалюзи крепышами вырытых в земле рвах, глубиной в полтора-два метра; им приходилось спать сидя, привязавшись друг к другу. Люди получали обмо-

чены мы, подростки. В каждой телеге, под соломой были спрятаны продукты, медикаменты, перевязочные материалы...

Мы готовы были везти и оружие со взрывчаткой, но на такой рискованной маневре не решилось.

С божьей помощью нам удалось не

только подкормить и подлечить несколько

солдат, но и переправить не сколько

десантников, собравшихся на не-

которое время «в помои».

Но в конце мая — начале июня меня и еще не-

сколько десятков выздоравливающих в срочном порядке перебросили на участ-

ок фронта, где в это время развер-

нулась грандиозная битва, впоследст-

вии названная Курской. После её окон-

чания я был направлен в особый са-

пёрный батальон — для размини-

рования территории Орловско-Кур-

ской дуги. Это была непростая и доволь-

но опасная работа...

Мой отец, Артём Михайлович Бу-

рыкин, принял участие в операции «Багратион» по освобождению Бело-

руссии, был награждён медалью «За

отвагу». После тяжёлого ранения и

двух лет постельного режима он воз-

ратился домой и немало сделал для восстановления Хинели, впоследствии

передавать сообщение на «большую землю» о готовности полосы, вовремя запалить сигнальные костры, принять прибывающий борт, быстрее его разгрузить-загрузить и отправить его назад...

В марте 1943 года наша Хинельская партизанская бригада им. М.В. Фрунзе в районе реки Свона с боем пересекла линию фронта. При этом переходе я был ранен в голову и руку. В полевом госпитале мне сделали две операции и после выздоровления оставил на не-

которое время «в помои».

Но в конце мая — начале июня меня и еще не-

сколько десятков выздоравливающих в срочном порядке перебросили на участ-

ок фронта, где в это время развер-

нулась грандиозная битва, впоследст-

вии названная Курской. После её окон-

чания я был направлен в особый са-

пёрный батальон — для размини-